

**Книги,
а также сочинения и философские системы героев
в произведениях Достоевского.
От редактора**

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, 28 августа 2025 года умер Борис Николаевич Тихомиров, большой ученый, глубокий человек, президент Российского общества Достоевского, член редколлегии нашего журнала. Мы с ним знакомы и работали — то плечом к плечу, то в продуктивной полемике, а иногда (к счастью — очень редко, и разрешалось все быстро) и в непродуктивных противостояниях — с 1987 года. С ним так или иначе связана вся моя научная жизнь — и именно поэтому мне трудно сейчас писать и говорить о его внезапном для всех нас уходе. Даже просто знать, что он есть и делает наше общее дело, было всегда огромной поддержкой и опорой. И вот опора эта от всех нас отскочила. Тем важнее Достоевскому сообществу в содружестве и взаимоподдержке продолжать дело, в которое Борис Тихомиров внес свой огромный вклад.

Мы с Борей и Кареном Степаняном на симпозиуме в Японии. 2000 год

В рубрике «**In memoriam**» мы помещаем некрологи, написанные Николаем Подосокорским и Валентиной Борисовой.

Еще один важный для достоевистики человек нас покинул — 29 августа 2025 года умерла Ирина Николаевна Зорина, яркая и многогранная личность, супруга Юрия Федоровича Карякина, много сил вложившая в издание его книг во время его болезни и после его смерти. Посвященный ей некролог, написанный Николаем Подосокорским, мы также публикуем в рубрике «**In memoriam**».

Напоминаем, что 1–3 октября состоится последняя в этом году конференция нашего Центра — III международная онлайн-конференция «Книга в книге», посвященная памяти великого русского филолога Александра Викторовича Михайлова. Конференция собирается вокруг теоретической проблемы присутствия книг **как прямо упомянутых текстов и материальных предметов, участвующих в сюжете**, в произведениях мировой литературы и культуры¹. Прием заявок на конференцию завершен, записи конференции, как всегда, будут выложены в открытый доступ.

Мы поздравляем нашу талантливую коллегу, дорогого друга и надежного сотрудника Катерину Корбеллу с блестящей защитой кандидатской диссертации «Творчество Ф.М. Достоевского в католической рецепции: Романо Гуардини, Диво Барсотти, Луиджи Джуссани», состоявшейся 15 мая 2025 года. Надеемся, что скоро этот очень интересный и важный для исследователей Достоевского текст станет книгой.

Мы поздравляем с 85-летием замечательного ученого, члена редакционного совета нашего журнала, человека, чьи книги неизменно открывали новые подходы к исследованию Достоевского, участницу в подготовке легендарного Полного собрания сочинений в 30 томах, доктора филологических наук Валентину Евгеньевну Ветловскую и желаем ей здоровья, сил для новых научных трудов и радости от их осуществления.

Мы поздравляем с 70-летием нашего дорогого друга, члена редколлегии нашего журнала, тонкого и глубокого исследователя, чуткого и отзывчивого человека, доктора филологических наук Ольгу Юрьевну Юрьеву и желаем ей доброго здоровья, радости жизни, неослабевающего интереса к загадкам творчества Достоевского, к современным его интерпретациям в разных видах искусства.

¹ Обзор предыдущей конференции «Книга в книге» см.: [Подосокорский, 2024].

Библиографию работ Ольги Юрьевой мы публикуем в рубрике **«Библиография»**.

В 2021–2025 годах вышло большое число изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству, его времени, его кругу общения. Они пока далеко не полностью освоены научным сообществом, все еще мало включены в научный контекст. Мы готовы предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий (в том числе — критических и полемических) на вышедшие в 2021–2025 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

В этом номере в рубрике **«Герменевтика. Медленное чтение»** публикуется первая из задуманных мной статей, посвященных «Моему необходимому объяснению» Ипполита Терентьева в романе «Идиот». В статье рассматривается положение этого сочинения среди сочинений других героев Достоевского, сравнивается соотношение между записанным и завершенным произведением героя и собеседованием героев в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы», исследуются вводные реплики Ипполита, предваряющие чтение «Моего необходимого объяснения» и содержащие цитаты из Евангелия, а также цитаты из литургической поэзии и «Фауста» Гете («источник жизни», «источники жизни»), ошибочно маркированные героем ссылкой на Апокалипсис. (Интересно, что исследователи в большинстве случаев доверяют героям и не исправляют их ошибок в комментариях: не поправили даже совсем очевидную ошибку героя «Подростка», перепутавшего Ависагу с Фамарью, бестрепетно прокомментировав пассаж героя цитатами из Библии, относящимися к Ависаге [Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 391]. Между тем, **непоправленная ошибка героя** — это нередкий у Достоевского авторский прием, и комментаторам тут нужно быть особенно внимательными². Прием этот используется с разными целями, в данном случае ложная

² О приеме «ошибка героя» (точнее сказать: «непоправляемая автором ошибка героя») и о том, как этот прием использует Достоевский, см.: [Касаткина, 2015, с. 304–320]; [Подосокорский, 2025]. Впрочем, далее в журнале, в статье Николая Подосокорского в этом номере, будет сказано о поправлении исследователями тех «ошибок» героев, которые вовсе не являются ошибками — и восприятие которых в качестве ошибок связано с пробелами в знаниях исследователей. См., например, о «неточном» назывании Настасьей Филипповной истории Соловьева: [Подосокорский, 2024а, с. 72–76].

отсылка позволяет увидеть разницу смыслов, вкладываемую в слова «источник жизни» героем и автором романа.) Исследуется способ введения «Моего необходимого объяснения» в повествование и его место в композиции романа (аналогичное для второго тома романа беседе Мышкина с Епанчинными в первом томе), в результате чего на первый план вновь выходит проблема двух природ человека в «Идиоте»³. Описывается разница взглядов, исходящих из двух природ человека, на одни и те же проблемы и роковые вопросы человеческого существования. Обнаруживается вполне контринтуитивная для читателя, привыкшего к почтительному отношению к возвышенному и даже восхищению им, вещь: высшая природа выглядит из точки низшей природы как пугающая, отталкивающая, внушающая отвращение, несущая смерть. Показывается фундаментальная разница между двумя видениями Ипполита, традиционно приравняемыми или и вовсе смешиваемыми исследователями: сном о не-скорпионе и образом тарантула.

Вторая статья рубрики, пера Татьяны Магарил-Ильяевой, также представляет собой начало большого исследования и посвящена присутствию — в том числе физическому — романа Виктора Гюго «L'homme qui rit» в «Бесах». Обращая внимание на то, в какой именно ситуации романа мы встречаемся с лежащей на столе Степана Трофимовича Верховенского книгой, автор статьи получает ключ к раскрытию неочевидных смыслов романа «Бесы», поскольку они высказаны *впрямую* в романе Гюго. Прежде (и очевиднее) всего это касается неизбежно странной для читателя романа Достоевского, плохо помнящего «Человек, который смеется», идеи Степана Трофимовича выразить свое несогласие и оказать противодействие деспотизму и овеществлению человека посредством выхода с нищенской сумой на большую дорогу: в романе Гюго прямо сказано, что единственное, чего по-настоящему боятся сильные мира сего — это радикального выпадения человека из системы, выражающегося в бродяжничестве. Магарил-Ильева прекрасно показывает, как Достоевский, убирая определенность Гюго, все же разделившего своих персонажей на насильников, насмешников — и потерпевших, предъ-

³ Проблема двух природ человека в романе «Идиот» отчасти уже исследовалась мною в разделах: «Смерть, новая земля и новая природа в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”», «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”: о высшей и низшей природе человека», опубликованных в моей монографии «“Мы будем — лица...” Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского» [Касаткина, 2023, с. 326–377].

являет нам непрерывную цепь обыкновенных людей, подобно компрачикосам искажающих природу других в угоду своим прихотям, фантазиям и идеалам, обращающихся с ближними как с удобным средством или игрушкой. Революция всего-навсего возведет такой способ взаимодействия в абсолюте, что и неудивительно: ведь революцию будут делать люди, с которыми никогда никто не обращался иначе — и они ничего не знают о других способах взаимодействия человека с человеком.

Кроме того, в своей статье Татьяна Магарил-Ильяева, кажется, впервые настолько прямо ставит важнейший теоретический вопрос, в зависимости от ответа на который серьезно изменится наш взгляд на то, что такое истинное прочтение художественного текста, открывающее доступ к его адекватному пониманию: *можем ли мы считать, что действительно прочли роман Достоевского, не прочтя все упоминаемые в нем произведения?* Ее статья дает на этот вопрос весьма наглядный ответ.

Я бы ответила на этот вопрос так: Достоевский, стремясь дать читателю все возможные средства к пониманию его произведений, конечно же предусматривает в тексте разные, дублирующие друг друга пути, обнаруживающие его фундаментальные идеи. Тем не менее, максимальной ясности восприятие его произведения достигает лишь в ситуации, когда читатель оказывается способен опознать рифмующиеся ситуации **за пределами** предоставленного автором текста⁴, в упоминаемых в нем книгах: причем, способен увидеть как сходства этих ситуаций, так и их — иногда радикальные — отличия, или заметить производимые автором смысловые сдвиги.

Публикуемая в рубрике «**Поэтика. Контекст**» статья Николая Подосокорского также посвящена теме сочинений героев в произведениях Достоевского, но автор в данном случае рассматривает сочинение, о котором нам, по-видимому, ничего не известно, кроме темы, и которое в комментариях к «Селу Степанчикову» традиционно считали примером чуть не безграмотности (во всяком случае, «малой образованности») Фомы Опискина, поскольку он собирался писать роман о Новгороде VII века, тогда как современная комментаторам наука считает началом существования города IX век. Автор статьи

⁴ Одна из немногих статей, где-таки ставится проблема знания читателем упомянутых в произведении текстов, характерно называется «Скелетом наружу» [Меерсон, 2007].

подробно показывает, что — во-первых и прежде всего — **у науки первой четверти XIX века о начале существования Новгорода было совсем другое представление** (и важное методологическое следствие из этого: для верного понимания смысла произведения определенного времени необходимо опираться на научные (исторические, филологические, физические, географические и т.п.) представления этого времени, а не на то, что якобы с несомненностью установила «современная наука»), во-вторых, что Фома изучал тему серьезно и читал много — в том числе, внимательно читал свидетельства о раннем существовании Новгорода, и это отражено в его речах: в используемых им сравнениях и сопоставлениях. В статье описывается и то, каким мог быть завершённый ранний роман Опискина, созданный героем в качестве «первого литературного шага».

Еще одним, на мой взгляд, очень важным положением в статье (хотя и вынесенным в подстрочный комментарий) является рассуждение автора о достаточно настойчивом присутствии в произведении Ноя и Ноева ковчега, объясняющих вызывающую зачастую негодование читателей запредельную терпеливость и кротость полковника Ростанева по отношению не только к Фоме, но ко всем обретающимся в его имении приживальщикам и приживалкам. Достоевский, согласно автору статьи, в образе села Степанчиково (чьё название, кстати, можно с учетом греческого корня перевести как «веночек» — образ замкнутого и завершённого мира, который не удержится и рассыплется, если из него извлечь любой вплетенный в него цветок) рисует Ноев ковчег (а я бы сказала — рисует весь наш мир как длящийся Ноев ковчег), из которого просто **некуда** изгнать кого бы то ни было, если только мы не готовы обречь его на верную смерть, на «тьму внешнюю». Мир Ноева ковчега можно поддерживать, лишь добиваясь всеобщего согласия, а не отсекая «лишние члены»; кроме того, веночек можно сплести лишь из тех «цветочков», что есть в наличии.

Во второй статье рубрики Людмила Сараскина подробно разбирает рассказ «Столетняя» из «Дневника писателя» 1876 года, вписывая «реальную» часть рассказа в бытовую и социальный контекст времени его создания, и, опираясь на статью Константина Аксакова «О современном человеке» и вектор мысли Достоевского, отраженный в «воображаемых сценах» этой маленькой «зарисовки с натуры», выдвигает обоснованную гипотезу о совсем не бытовом смысле рассказа.

В рубрике «**Достоевский на сцене**» публикуется статья Татьяны Боборыкиной, посвященная анализу «Белых ночей» как предчувствия Достоевским собственной судьбы и предвестия его великих романов — и анализу постановок сентиментального романа в кино и на сцене. Автор статьи тонко и убедительно анализирует как блестяще реализованные киноверсии — так и показывает ходы менее удачных постановок, способные составить основу глубокой сценической интерпретации, которые при этом не были замечены и концептуально использованы их авторами.

В рубрике «**Достоевский: круг чтения**» публикуется работа Игоря Виноградова, посвященная осмыслению собранных в 4 том прижизненного собрания сочинений Н.В. Гоголя комедий как *цикла*, объединенного общей для всего творчества писателя, но наиболее полное выражение получившей именно в драматургии *темой нечестной, плутовской игры*. Цикл создается на пересечении, скрещении темы и жанра. «*Вся жизнь, — пишет автор статьи — представленная Гоголем в критическом освещении, выступает в его драматических произведениях как обширный “ломберный стол”, за которым “игроки”-обыватели обманывают друг друга, ловя свою выгоду, — и образуя в совокупности социальный феномен “надувательной земли”*» [Виноградов, 2025].

Для исследователей творчества Достоевского эта интересная во многих отношениях работа, на мой взгляд, особенно важна тем, что позволяет ясно увидеть разность способов углубления текста (и формирования того, что должно стать для читателя «подсознательным знанием», новой жизненной установкой) у двух великих писателей. У Гоголя его способ наиболее прямо выражен в «Игроках»: каждый следующий уровень обнаруживает фальшь реальности предыдущего уровня, **каждый обманщик будет в свою очередь кем-то обманут** — и, возможно даже, теми, кого он самоуверенно счел своими жертвами. **Каждый обман**, таким образом, **подрывает устойчивость и надежность той реальности, в которой находится самобманывающий**. У Достоевского же (наиболее очевидно — в «Братьях Карамазовых») каждый следующий уровень обнаруживает наивность и беззащитность плута, наглеца и обманщика перед реальностью: **каждый обманывающий, каждый пытающийся слухавить наиболее метко и жестко именно своими нечестностью и обманом бьет в свое собственное сердце** (наиболее прямо, открыто и символично — в истории Илюши и Жучки, где мальчик умирает от «надрыва» серд-

ца потому, что обманул собаку, подсунув ей иголку в куске хлеба; но не менее серьезно поражен оказывается и Иван Карамазов, пытавшийся подсунуть Алеше ту же иголку в куске хлеба сострадания: отравить его сердце бунтом, рассказывая истории о страдающих детях).

В рубрике «**Достоевский в XX–XXI веке**» представлена статья Петра Дружинина, посвященная забытому исследователю творчества Достоевского Петру Петровичу Жеглову (1901–1941), человеку невероятной (хотя, наверное, не такой уж необычной для своего времени) судьбы, написавшему под руководством профессора Н.К. Пиксанова и защитившему в 1936 году первую в СССР диссертацию о Достоевском, включавшую в себя анализ взглядов петрашевцев на литературу, проведенный на основании изучения статей словаря Н.С. Кириллова, изданного в 1845–1846 годах.

В рубрике «**Достоевский: современное состояние изучения**» публикуется важная теоретическая статья Татьяны Ковалевской, посвященная предложенному и основательно проработанному ею подходу к произведениям Достоевского, построенному на вскрытии и демонстрации приемов *мимикрии* ложных или *просвещенчески-упрощенно-ущербных* идей героев под идеи самого писателя (я совершенно согласна с автором статьи, что самый яркий — и очевидный — пример такой мимикрии — это навеянные Ставрогиным идеи Ивана Шатова в «Бесах»). Такая мимикрия, нередко приводившая к прямому приписыванию взглядов персонажей самому Достоевскому иногда вполне добросовестными и талантливыми интерпретаторами, имеет некоторое сходство с приемом «непоправляемая ошибка героя» и, может быть, даже прямо масштабирует его, перенося с уровня проверяемого факта на уровень идеологической системы. Как ошибку героя может заметить лишь читатель, знающий факт — или хотя бы по смутному наитию предположивший здесь «неточность» и отправившийся его проверять, так и разницу между идеями автора и «мимикрирующими» под них идеями персонажа может заметить лишь внимательно вчитывающийся, готовый «сам потрудиться» читатель — или *действительно* высококвалифицированный философ / богослов. Достоевский создает для читателя «философский испытательный полигон», на котором тот может *научиться различать истину — и соблазн* спрямления и упрощения ее, неизменно радикально ее искажающий (в случае Шатова, с его перенесением акцента с Бога на народ-богоносец, я бы назвала это «обожествлением сосуда вместо содержимого» — и это одно из самых распространенных искажений истины в нашем мире:

именно от него будет избавлять в последнем романе Достоевского Алешу «провонявший» Зосима своим посмертным «поступком»). Научиться различать — и уже не подпасть этому соблазну в жизни, среди самых тонких искушений помня, что дьявол приходит противостоять, побеждать и властвовать — а Бог приходит любить и служить.

В рубрике «Музей» публикуется статья Павла Фокина, описывающая идеи, легшие в основу экспозиции «Московского дома Достоевского», и предлагающая учителям варианты работы с ней при изучении «Преступления и наказания» в средней школе.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 12 200 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: <https://vk.com/dostmirkult>

Telegram: <https://t.me/dostmirkult>

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным или полужирным курсивом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение трех месяцев.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Виноградов, 2025 — *Виноградов И.А.* «Комедии» Гоголя как литературный цикл // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 203–265. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-203-265>
2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
4. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
5. Меерсон, 2007 — *Меерсон О.А.* Скелетом наружу: система интертекстов как структура произведения вне его (Мотив трагедии «падшей» женщины в Идиоте) // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2007. № 23. С. 85–106.
6. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Обзор II международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), 1–3 октября 2024 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 254–266. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266>
7. Подосокорский, 2024а — *Подосокорский Н.Н.* «Русская история» С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 64–80. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80>
8. Подосокорский, 2025 — *Подосокорский Н.Н.* «Истратить 100 000 при Маренго». Вторая итальянская кампания Наполеона в восприятии Ф.М. Достоевского // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 2. С. 24–38.

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Книги, а также сочинения и философские системы героев в произведениях Достоевского. *От редактора* // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 12–31. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-12-31>

**Books, Essays, and Philosophical Systems of the Characters
in Dostoevsky's Works**
From the Editor

Esteemed Colleagues, Dear Readers,

On August 28, Boris N. Tikhomirov passed away. He was a distinguished scholar, a profound person, the President of the Russian Dostoevsky Society, and a valued member of the Editorial Board of our journal. We knew each other and worked together from 1987—sometimes working side by side, sometimes engaging in productive discussions, and occasionally experiencing unproductive confrontations (fortunately, rare). All my academic life has been somehow connected with him: this is why it is difficult for me to write about him and about his sudden departure. Simply knowing that he was there, contributing to our shared work was for me a huge help and support. Now, that support has been taken from us all. Is it therefore crucial for the Dostoevsky scholarly community to continue the work to which Boris Tikhomirov gave his enormous contribution, founded on friendship and mutual help.

With Boria and Karen Stepanian at the Dostoevsky Symposium in Japan, 2000

In the section “**In memoriam**,” we publish two obituaries by Nikolay Podosokorsky and Valentina Borisova.

Another important figure in Dostoevsky studies has left us on August 29—Irina N. Zorina, a bright and multifaceted personality, the wife of Yury F. Kariakin, who devoted much effort to publishing his books during his illness and after his death. An obituary dedicated to her, written by Nikolay Podosokorsky, is also published in the section “**In Memoriam**.”

We remind our readers that on October 1–3, the last conference of our Centre will take place: the 3rd International Online Conference “The Book in the Book,” dedicated to the memory of the great Russian philologist Alexander V. Mikhailov. The conference focuses on the theoretical problem of the presence of books, as *explicitly mentioned texts and material objects involved in the narrative* in works of world literature and culture¹. The call for papers is now closed. The recordings of the conference will, as always, be published open access.

We congratulate our talented colleague, dear friend, and reliable collaborator Caterina Corbella on the brilliant defense of her PhD dissertation, “Dostoevsky’s Works in Catholic Reception: Romano Guardini, Divo Barsotti, Luigi Giussani,” which took place on May 15, 2025. We hope that this very interesting and important text for Dostoevsky scholars will soon be published as a book.

We congratulate Valentina E. Vetlovskaia—an outstanding scholar, member of the Editorial Board of our journal, a person whose books have consistently opened new approaches to Dostoevsky studies, and a contributor to the preparation of the legendary *Complete Works* in 30 volumes—on her 85th birthday. We wish her good health, strength for new scholarly endeavors, and joy in their realization.

We congratulate Olga Yu. Yuryeva—our dear friend, member of the Editorial Board of our journal, a profound and subtle researcher, and a sensitive and responsive person, Doctor of Philology—on her 70th birthday. We wish her health, joy in life, and a continuing passion for exploring the enigmas of Dostoevsky’s works and their modern interpretation across various forms of art. A bibliography of Olga Yuryeva’s works is published in the section “**Bibliography**.”

The years 2021–2025 have witnessed the release of a significant number of publications dedicated to Dostoevsky and his works. However,

¹ For a summary of the previous conference cf. [Podosokorsky, 2024].

they are still far from being fully assimilated by the academic community and are relatively underrepresented in academic contexts. We would be delighted to offer our pages for the publication of comprehensive and substantive reviews, including critical and polemical ones, of books and miscellanies released during this period. Furthermore, we are always open to publishing in-depth overviews of past conferences.

In this issue, in the section “**Hermeneutics. Slow Reading**,” the first of the articles I planned is published, devoted to Ippolit Terentyev’s “My Necessary Explanation” in the novel *The Idiot*. The article examines the position of this composition among the works of other Dostoevsky characters, compares the relationship between the hero’s recorded and completed work and the dialogues of characters in *The Idiot* and *The Brothers Karamazov*, and analyses Ippolit’s introductory remarks that precede the reading of “My Necessary Explanation,” which contain quotations from the Gospel, as well as citations from liturgical poetry and Goethe’s *Faust* (“river of life,” “rivers of life”), mistakenly marked by the hero as a reference to the Book of Revelation. (It is interesting to notice that scholars, in most cases, trust the characters and do not correct their mistakes in commentary: they did not even correct the very obvious error of the main character in *The Adolescent*, who confused Abishag with Tamar, commenting on the passage with biblical quotations relating to Abishag [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 17, p. 391] without hesitation. Meanwhile, an uncorrected error of a character is a not uncommon authorial device in Dostoevsky, and commentators need to be particularly attentive to it². This device is used for various purposes; in this case, the false reference allows the reader to see the difference in meaning that the character and the author attribute to the words “river of life.”)

The article also explores how “My Necessary Explanation” is introduced into the narrative and its role in the structure of the novel (paralleling the conversation between Myshkin and the Epanchins in Part I in relation to Part II). This, in turn, once again brings to the forefront

² For a discussion of the device of the “character’s error” (more precisely, the “error of the character uncorrected by the author) and the ways Dostoevsky employs this device, see [Kasatkina, 2015, pp. 304–320]; [Podosokorsky, 2025]. Later in this issue, in an article by Nikolay Podosokorsky, the problem of scholars “correcting” characters’ so-called “errors” will be addressed—errors that are not errors at all, but whose perception as such arises from gaps in the researchers’ knowledge. See, for example, the case of Nastasya Filippovna’s “inaccurate” naming of Solovyov’s story: [Podosokorsky, 2024a, pp. 72–76].

the problem of the two natures of man in *The Idiot*³. The article describes the difference in perspectives arising from the two natures of man on the same problems and fateful questions of human existence. It reveals a strikingly counterintuitive fact for a reader accustomed to a respectful attitude toward the sublime, even to admiration of it: from the point of view of the lower nature, the higher nature appears frightening, repulsive, disgusting, and deadly. The article also demonstrates the fundamental difference between two of Ippolit's visions, which are traditionally equated or even conflated by scholars: the dream of the non-scorpion and the image of the tarantula.

The second article in the section, by Tatyana Magaril-Il'yaeva, also represents the beginning of a larger study and is devoted to the presence—including the physical presence—of Victor Hugo's novel *L'homme qui rit* (*The Man Who Laughs*) in *The Devils*. By focusing on the precise situation in the novel in which we encounter the book lying on Stepan Trofimovich Verkhovensky's desk, the author gains a key to uncovering the subtle meanings of *The Devils*, as they are expressed **directly** in Hugo's novel.

First (and most obviously), this concerns the inevitably strange idea for a reader of Dostoevsky, who may poorly remember *L'homme qui rit*, that Stepan Trofimovich seeks to express his disagreement and resist despotism and the objectification of man by venturing out with a beggar's bag onto the open road. In Hugo's novel, it is stated explicitly that the only thing truly feared by the powerful is the radical withdrawal of a person from the system, expressed through vagrancy. Magaril-Il'yaeva masterfully demonstrates how Dostoevsky, removing Hugo's explicit distinctions between oppressors, mockers, and the oppressed, nevertheless presents a continuous chain of ordinary people—akin to the *comprachicos* who distort the nature of others to satisfy their whims, fantasies, and ideals—treating their neighbours as convenient means or toys. The revolution will merely elevate this mode of interaction to an absolute, which is hardly surprising: after all, the revolution will be carried out by people with whom no one has ever interacted otherwise—

³ The problem of the two natures of man in the novel *The Idiot* has already been partially explored by me in the sections “Death, New Earth, and the New Nature in Dostoevsky's Novel *The Idiot*” and “Dostoevsky's *The Idiot*: On the Higher and Lower Nature of Man,” published in my monograph “*We Will Be Faces/Persons...*” *An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works* [Kasatkina, 2023, pp. 326–377].

and they know nothing of other ways in which humans can relate to one another.

Moreover, in her article, Tatyana Magaril-Il'yaeva seems, for the first time, to pose so directly a crucial theoretical question, the answer to which could profoundly alter our understanding of what constitutes a true reading of a literary text—one that grants access to its adequate comprehension: can we claim to have truly read a Dostoevsky novel without reading all the works mentioned in it? Her article provides a very clear answer to this question.

I would answer this question as follows: Dostoevsky, in striving to provide the reader with all possible means to understand his works, certainly includes *multiple*, overlapping paths within the text that reveal his fundamental ideas. Nevertheless, the fullest clarity in perceiving his work is achieved only when the reader is able to recognize resonant situations ***beyond the text provided*** by the author⁴, in the works referenced therein—and to perceive both the similarities of these situations and their sometimes radical differences, or to notice the shifts in meaning effected by the author.

The article by Nikolay Podosokorsky, published in the section “**Poetics. Context,**” is likewise devoted to the theme of characters’ writings in Dostoevsky’s works. In this case, however, the author examines a composition about which we apparently know nothing apart from its subject, and which, in commentaries on *The Village of Stepanchikovo*, has traditionally been regarded as evidence of Foma Opiskin’s almost illiteracy—or, at the very least, his “limited education.” Foma planned to write a novel about Novgorod in the 7th century, whereas modern scholarship dates the city’s origin to the 9th century. The article demonstrates, first, that ***19th-century scholarship had a very different understanding of Novgorod’s origins***. This has an important methodological implication: to correctly understand the meaning of a work from a certain period, one must rely on the scientific knowledge of that time—historical, philological, physical, geographical, and so on—, rather than on what “modern science” claims to have established with certainty. Second, the article shows that Foma studied the subject seriously and read widely, paying close attention to evidence of Novgorod’s early

⁴ One of the few articles in which the problem of the reader’s knowledge of texts mentioned in Dostoevsky’s work is indeed addressed is characteristically titled “Skeleton Outward” [Meerson, 2007].

existence, which is reflected in his speeches through the comparisons and juxtapositions he employs. Finally, it considers what Foma Opiskin's completed early novel, created by the character as a "first literary step," might have looked like.

Another point that I find particularly important in the article (although it appears in a footnote) is the author's discussion of the persistent presence of Noah and the Ark in the text, which helps explain the often-frustrating patience and meekness of Colonel Rostanev toward not only Foma but all the tenants and dependents living on his estate. According to the author, Dostoevsky, in the depiction of the village of Stepanchikovo (whose name, incidentally, can be translated with reference to the Greek root as "small wreath"—an image of a closed and complete world that will fall apart if any flower woven into it is removed), portrays Noah's Ark (or, I would say, depicts our entire world as an enduring Noah's Ark) from which no one can simply be expelled unless we are willing to condemn them to certain death, to "outer darkness." The world of Noah's Ark can only be maintained by achieving universal consent, not by removing "superfluous members"; moreover, the wreath can only be woven from the "flowers" that are available.

In the second article in the section, Lyudmila Saraskina offers a detailed analysis of the story "A Hundred-Years-Old Woman" from Dostoevsky's *A Writer's Diary* (1876), situating the "real" part of the story within the domestic and social context of its time. Drawing on Konstantin Aksakov's article "On the Modern Man" and on the trajectory of Dostoevsky's thought, reflected in the "imagined scenes" of this small "sketch from life," Saraskina puts forward a well-grounded hypothesis regarding the story's meaning—one that is far from merely mundane.

In the section "**Dostoevsky on Stage**," an article by Tatyana Boborykina examines *White Nights* both as Dostoevsky's premonition of his own fate and as a foreshadowing of his great novels, as well as the study of adaptations of this sentimental novella for film and stage. The author provides a subtle and convincing analysis of both brilliantly executed cinematic versions and the strategies of less successful productions, showing how these could serve as the basis for a profound stage interpretation, even though they were neither noticed nor conceptually employed by their creators.

In the section "**Dostoevsky: His Readings**," a study by Igor Vinogradov is published, devoted to the interpretation of the comedies

collected in the four-volume lifetime edition of Nikolay Gogol's works as a **cycle**, unified by a theme present throughout the author's *oeuvre* but most fully expressed in his dramaturgy: *the theme of dishonest, cunning play*. The cycle is created at the intersection of theme and genre. As the author of the article writes, "Life—as presented by Gogol in a critical light—appears in his dramatic works as an expansive 'lumber table,' around which the 'players'—ordinary people—deceive one another to secure their own advantage, thereby collectively forming the social phenomenon of a 'cheating world'" [Vinogradov, 2025].

For scholars of Dostoevsky, this work—interesting in many respects—is, in my view, particularly important because it allows us to clearly see the different ways in which two great writers deepen their texts (and shape what should become, for the reader, "subconscious knowledge" or a new life attitude). In Gogol, this method is most directly expressed in *The Gamblers*: each successive level reveals the falsity of the reality at the previous level, and **every deceiver, in turn, will be deceived**—possibly even by those he confidently considered his victims. **Each act of deception, therefore, undermines the stability and reliability of the very reality in which the deceiver himself exists.** In Dostoevsky, however—most clearly in *The Brothers Karamazov*—each successive level exposes the naivety and vulnerability of the rogue, the scoundrel, and the deceiver in the face of reality: *every deceiver, every attempt at trickery, most accurately and harshly through his own dishonesty and deceit, strikes at his own heart*. This is most directly, openly, and symbolically illustrated in the story of Ilyusha and Zhuchka, where the boy dies from a "rupture" of the heart because he deceived the dog by hiding a needle in a piece of bread; but no less seriously affected is Ivan Karamazov, who tried to place the same needle in a piece of bread of compassion for Alyosha—attempting to poison his heart with rebellion by telling him stories of suffering children.

In the section "**Dostoevsky: Current State of Research,**" an important theoretical article by Tatyana Kovalevskaya is published, devoted to her carefully developed approach to Dostoevsky's works. This approach focuses on uncovering and demonstrating the techniques of **mimicry**, whereby the character's false or simplistically flawed ideas are made to imitate the ideas of the author himself. I completely agree with the author that the most vivid and obvious example of such mimicry is Ivan Shatov's ideas in *The Devils*, inspired by Stavrogin. Such mimicry, which often led to the direct attribution of a character's views to Dostoevsky by

sometimes entirely conscientious and talented interpreters, bears some similarity to the device of the “irreparable error of the character” and may even directly expand it, transferring it from the level of verifiable fact to the level of an ideological system. Just as only a reader who knows a fact—or at least intuitively suspects an “inaccuracy” and sets out to verify it—can notice a character’s error, so only a careful, attentive reader—or a truly highly qualified philosopher or theologian—can discern the difference between the author’s ideas and the character’s ideas that mimic them. Dostoevsky creates a “philosophical testing ground” for the reader, where one can learn **to distinguish truth from the temptation to straighten and simplify it**, which inevitably distorts it radically. In the case of Shatov, with his shifting of emphasis from God to the God-bearing people, I would call this “deifying the vessel instead of the content”—one of the most common distortions of truth in our world. It is precisely from this distortion that Alyosha will be liberated in Dostoevsky’s final novel by the posthumous “act” of Zosima. Learning to discern enables the reader not to succumb to this temptation in life, remembering—even amid the subtlest trials—that the devil seeks to oppose, conquer, and dominate, whereas God comes to love and to serve.

In the section “**Museum**,” an article by Pavel Fokin is published, describing the ideas that formed the basis of the Moscow House of Dostoevsky exhibition and offering teachers suggestions for using it in the study of *Crime and Punishment* in secondary school.

The journal is on *Vkontakte and Telegram* (with already 12 200 followers). You can subscribe to our pages to follow news from both the Journal and Research Centre “Dostoevsky and World Culture.” Among other things, all the recordings from seminars and conferences organized by the Centre are published here. Books and articles dedicated to Dostoevsky are also available for download.

Vkontakte: <https://vk.com/dostmirkult>

Telegram: <https://t.me/dostmirkult>

The journal is published in cooperation with the Commission for the Study of Fyodor Dostoevsky’s Artistic Heritage at the Academic Council “History of World Culture” RAS. Our work is carried out in contact with the Russian and International Dostoevsky Society.

As before, all quotations from Fyodor Dostoevsky’s works, if not specified otherwise, are cited according to the *Complete Works* in 30 vols. (Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990), with the references formatted according to the rules of the Russian Science Citation Index. Capital letters

in the names of God, the Virgin, as in other holy names and concepts, that were lowered in this edition because of Soviet censorship are here restored in accordance with the editions published during Dostoevsky's life. The author's original emphasis in quotations (where not specified otherwise) is indicated by italics; the emphasis of the author of the article is indicated by bold font (or bold+italics).

Our email address is fedor@dostmirkult.ru. The journal accepts articles in Russian and English. We accept submissions related to the subject of the journal from Russia and abroad. The authors will be notified about acceptance or refusal within three months.

Tatiana Kasatkina

References

1. Vinogradov, I.A. "Komedii' Gogolia kak literaturnyi tsikl" ["Gogol's *Comedy* as a Literary Cycle"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 203–265. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-203-265>
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in Dostoevsky's Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
4. Kasatkina, T.A. "My budem — litsa..." *Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* ["We Will Be Faces/Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works]. Ed. by T.G. Magari-Il'iaeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)
5. Meerson, O.A. "Skeletom naruzhu: Sistema intertekstov kak struktura proizvedeniia vne ego (Motiv tragedii 'padshei' zhenshchiny v Idiote)" ["The Skeleton Outside: The System of Intertexts as the Structure of the Work Outside (The Motif of the Tragedy of the 'Fallen' Woman in *The Idiot*)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 23, 2007, pp. 85–106. (In Russ.)
6. Podosokorskii, N.N. "Obzor II mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii 'Kniga v knige', posviashchennoi pamiati Aleksandra Viktorovicha Mikhailova (1938–1995), 1–3 oktiabria 2024 goda" ["Review of the II International Scientific Online Conference 'The Book in the Book,' Dedicated to the Memory of Alexander Viktorovich Mikhailov (1938–1995), October 1–3, 2024"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (28), 2024, pp. 254–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266>
7. Podosokorskii, N.N. "Russkaia istoriia' S.M. Solov'eva v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["*Russian History* by Sergey Solovyov in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 64–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80>
8. Podosokorskii, N.N. "Istratit' 100 000 pri Marengo'. Vtoraia ital'ianskaia kampaniia Napoleona v vospriatii F.M. Dostoevskogo" ["To Lose 100,000 near Marengo'. Napoleon's

Second Italian Campaign in the Perception of Fyodor Dostoevsky”]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2, 2025, pp. 24–38. (In Russ.)

For citation: Kasatkina, T.A. “Books, Essays, and Philosophical Systems of the Characters in Dostoevsky’s Works. From the Editor.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (31), 2025, pp. 12–31. (In Russ., English) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-12-31>